

Александр Мануйлов

Практики приватности в южно-российском селе (кейс-стади)¹

Некоторые предварительные замечания

Прежде чем приступить к рассмотрению предложенной темы, мне хотелось бы остановиться на важных, на мой взгляд, вопросах сбора данных и в целом организации полевого исследования, которое лежит в основе представляемого здесь проекта.

Село Степное, находящееся на юге России, в Краснодарском крае, изучалось силами сотрудников краснодарского «Центра антропологических исследований» на протяжении всего периода проекта «Вдали от городов». Выбор этого села в качестве объекта изучения был неслучаен. Дело в том, что я имел к началу проекта многолетние и довольно интенсивные контакты с многими жителями этого села и даже проводил там фольклорно-этнографическое исследование (1995), сопровождавшееся работой в архиве по истории образования села. Глав-

**Александр Николаевич
Мануйлов**
Центр антропологических
исследований, Краснодар

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Fernab der Städte: Leben auf dem Lande in Osteuropa. Ländliche Lebenswelten in Rußland, Estland und Bulgarien», осуществлявшегося при финансовой поддержке Deutsche Forschungsgesellschaft.

ным было то, что, как я тогда полагал, мне были довольно хорошо известны текущие проблемы жителей, мои знакомые знали, что я занимаюсь наукой, и мы довольно часто дискутировали на различные научные и политические темы. Можно сказать, что я отчасти был вовлечен в повседневность некоторых жителей этого села. Этот момент явился решающим при выборе объекта изучения.

Перед тем как начать полевое исследование, я поставил о нем в известность своих сельских знакомых и получил от них разрешение «их изучать». Однако было довольно сложно уговорить местных жителей контактировать не только со мной, но и с другими участниками группы. Такая «закрытость» свойственна селам и станицам, расположенным и в степных, и в горных районах края. Иная ситуация разве что на черноморском побережье, где жители сел активно принимают туристов в теплый сезон и привыкли к наличию посторонних и у себя во дворах, и на улицах. Мы же, поселившись в Степном, волею неволей воспринимались местными жителями как «проверяющие» или «корреспонденты», даже статья о нас в районной газете мало что изменила. Т.е. мы устойчиво ассоциировались с теми, кто «лезет не в свои дела» и в присутствии кого надо молчать. (Я описываю лишь общие впечатления, свои и других исследователей; встречались нам, разумеется, и люди, легко идущие на контакт и с первого знакомства откровенно рассказывающие о сельской повседневности. Однако все же таких было очень мало, а их «открытость» сама по себе может быть рассмотрена как «дискурс открытости», как стратегия презентации.) Не существует в селе «социальной ниши» для исследователей; не знакомы сельские жители с практиками анонимизации информантов, диктуемыми полевой этикой; не понимают, кому и зачем нужно их изучать; давая интервью на диктофон, представляют, видимо, что общаются не менее чем со всем миром. Все эти факторы усложняли, но одновременно и утончали реализацию полевых техник.

Мы начали с работы только с теми местными жителями, кто проявлял доверие к нам и нашей деятельности, т.е. с подготовленными информантами. В дальнейшем некоторых из них мы стали использовать в качестве «медиаторов»: медиаторы сами находили для нас новых информантов, сами объясняли им наши интересы, сами назначали встречи и знакомили нас с новыми людьми. В течение первых двух месяцев полевой работы мы не пользовались ни диктофонами, ни камерой, отсрочив записи интервью до той поры, когда наши информанты привыкнут к нам, перестанут настороженно относиться к фиксированию их речи записывающими устройствами. Мы старались не знакомиться с новыми людьми «на улицах» (как

это принято, например, в этнографической практике). Знакомства с местными жителями допускались только в ситуациях, предполагающих «квазипубличность». Так мы познакомились с соседями, попутчиками, которых подвозили на машине, парикмахерами, продавцами и др. Исследователь в поле «приватизируется» своим информантом и в дальнейшем воспринимается другими местными жителями только через призму знакомства с этим информантом.

Предельно внимательно в связи с этим приходилось относиться к тому, чтобы соблюдать нейтралитет (что в селе, видимо, до конца сделать невозможно, в любом случае ты все равно на чьей-то стороне). Были, разумеется, и ошибки, которые не позволили добиться доверия со стороны весьма интересных персон, а в некоторых случаях с нами отказывались контактировать вообще. Тем не менее полевая техника, предусматривающая использование медиаторов, имела значительный эффект: мы быстро входили в теплые, дружеские отношения с представителями самых различных социальных групп и профессиональных сообществ. В итоге со временем местные жители стремились пригласить нас «в гости» или на какие-либо производственные или семейные мероприятия, происходившие в том числе и за пределами села.

Таким образом, мы стремились реализовать «мультидирекционный» вход в поле, стремились, чтобы нас воспринимали не как чьих-то гостей или родственников, а именно как исследователей, не включенных ни в одно из местных сообществ. Иногда как будто бы возникало понимание нашей автономии, но в большинстве случаев наши знакомства в селе все же играли весьма существенную роль (положительную или отрицательную) в желании информантов встретиться с нами.

Данное «полевое вступление» имеет непосредственное отношение к интересующей нас теме, поскольку, хотя бы отчасти, показывает место исследователя в столь сложной и настороженно (или даже враждебно) настроенной к внешнему интересу сельской приватности, приватности, готовой в любой момент обернуться для исследователя непроницаемой публичностью.

Конструирование объекта изучения

Тема данного исследования первоначально формулировалась как «отношения между приватным и публичным пространствами в селе». Однако наблюдения за сельской жизнью и «социально-чувствительная» организация полевой работы привели меня к выводу о том, что единственная форма публичности, которую мы наблюдали в селе Степном, была «генериру-

ема» нами же, исследовательской группой. И лишь некоторые ситуации в сельском коммуникативном пространстве могли быть рассмотрены как контексты и условия для интеракций, близких к привычной для нас «городской публичности». Этот вывод потребовал некоторого изменения исследовательского фокуса и уточнения объекта изучения как конструкта. В представляемой здесь версии статьи этим объектом являются приватные практики и деятельность, обозначаемая мною как координация по приватизации публичности.

Категории «приватное» и «публичное» настолько текучи и многомерны, что обозначаемые ими сферы с равным успехом являются объектами изучения различных научных дисциплин¹. Помимо этой синхронистической широты, концепт «приватности/публичности» обладает значительной диахронической глубиной и становится актуальным для европейской мысли довольно рано: «*Простое различие между приватным и публичным соответствует сфере домохозяйства с одной стороны, пространству политического с другой, а эти области существовали как различные, строго отделяемые друг от друга единицы по меньшей мере с начала античного города-государства*» [Арендт 2000: 39]. В нашем случае актуальность и подвижность границ между приватным и публичным в коммуникативном пространстве села Степного, как уже отмечено, явились фоном исследовательской полевой работы: где бы ни находились исследователи, в какие бы взаимодействия ни вступали с местными жителями, постоянно конструировалась граница, отделяющая наличное коммуникативное поле от вдруг возникающего приватного. Используя метафору Дэна Грэхэма, можно сказать, что при попытках заглянуть через окно в сферу приватного исследователи, как правило, провоцировали задергивание штор².

В результате многолетних наблюдений социальных интеракций в городских и сельских средах я пришел к выводу, что в

¹ Так, в рамках «политологической» парадигмы рассматриваются и интерпретируются взаимоотношения между государственными институтами (=публичным) и негосударственным сектором (=приватным) в экономике, политике, культурной и социальной сферах государства (см., напр.: [Барсукова 1999]). «Правоведческая» парадигма изучает государственно-правовую сферу; установление правил и контроль над ними в сферах частной и др. собственности; разного рода тайны; так называемую «частную жизнь» и пр. «Гендерная» парадигма предполагает исследование согласования приватного с фемининным, а публичного с маскулинным [Оукин 2004: 921–926].

² «*Public versus private can be dependent upon architectural conventions. By social convention, a window mediates between private (inside) and public (outside) space. The interior seen defines or is defined by the publicly accepted notion of privacy. An architectural division, the house, separates the private person from the public person and sanctions certain kinds of behavior for each. The meaning of privacy, beyond its mere distinguishability from publicness, is more complexly connected to other social rules*» [Graham 1993].

сходных ситуациях городские и сельские жители по-разному мотивируют свой коммуникационный выбор. Эта разница, на мой взгляд, является дериватом устойчивых типичных представлений о повседневности.

Под *приватностью* мы понимаем поле отношений, контактов, вещей (в их функциях и значениях), в котором акторы вступают в интеракцию в качестве *уникальных персон*, при этом их статусы, полученные в других полях и являющиеся продуктом *серийности* (как ее понимает Ж. Бодрийяр), нерелевантны данной интеракции, следовательно, игнорируются. Соответственно *публичность* — поле контактов, отношений, вещей, интеракции в котором совершаются акторами как манифестантами *серийности*, т.е. важна не персона, а ее статус, легитимированный публично (т.е. государством). Наконец квазипубличность, о которой пойдет речь, — это поле приватности, деформированное в результате воздействия *игры в публичность*. Здесь *игра* как манипуляция смыслами имеет ключевое значение, поскольку акторы не теряют в интеракции своей персональности. Что касается *квазипубличности*, то такого рода интеракция возникает в ходе приватной интеракции, когда один из акторов демонстрирует свои публичные статусы, пытаясь упразднить в себе и в своем партнере персональное (причем такие ситуации возникают и по инициативе «сверху», и по инициативе «снизу»).

Таким образом, данную схему можно считать развитием с должной корректировкой следующего положения И. Гофмана: *«Один человек может охарактеризовать другого благодаря способности прямо наблюдать и слышать этого другого. Такая характеристика организована вокруг двух фундаментальных форм идентификации: категориальной формы, требующей размещения этого другого в одной социальной категории (или более), и индивидуальной формы, посредством которой наблюдаемый субъект идентифицируется как уникальная, отличающаяся от всех других личность по наружности, тону голоса, звучанию имени или другим персонально-отличительным признакам. Эта двойная возможность — категориальной и индивидуальной идентификации — необходима для осуществления взаимодействия во всех сообществах, за исключением отживших свой век малых изолированных общин, и действительна даже для социальной жизни некоторых других биологических видов»* [Гофман 2002: 68].

Релевантным для описания, анализа и интерпретации практик в повседневности жителей села является, на мой взгляд, концепт координации, предложенный недавно Лораном Тевено и понимаемый им не в перспективе «стабильного коллективного

порядка», а в фокусе креативной динамики¹. Уточняя Л. Тевено, я бы сказал, что координация — это экспериментаторство pop-stop, когда актер во всякой произвольно избранной точке своей социальной траектории выверяет изменения, происшедшие в его собственной позиции, относительно осей x, y, z и т.д. Координация — это своего рода бриколаж в расчерченном социальными инженерами пространстве, осваиваемом бриколером-новичком (со всеми свойственными для новичка статусными издержками и бонусами)².

Будучи не в праве исключить (ни методологически, ни фактически) своего присутствия — присутствия исследователя — из наблюдавшихся сцен повседневности, будучи не в состоянии отменить восприятие локальных практик, осуществлявшееся не иначе как через призму социализированности самого исследователя и дискурсов, сформировавших его жизненный мир³, я все же попытался реализовать стремление «увидеть жизненный мир глазами местных жителей» в формате «присутствия/участия»⁴.

I. Синтагматика приватности

Прежде всего, кратко опишу публичный (и квазипубличный) контекст, относительно которого сельские практики могут

¹ Ср.: «Необходимо выработать понятие координации, которое было бы более чувствительным к неопределенности, критическим разногласиям и творческим построениям, нежели идеи стабилизированного и воспроизводящегося порядка. Я довольно подозрительно отношусь к таким понятиям, как ценности, коллективные представления, правила или хабитус, когда они используются для обоснования того или иного порядка. Попытки охарактеризовать способы координации должны быть нацелены на анализ их динамики, а не на изучение протекающего из них порядка» [Тевено 2002: 21].

² В идеальном случае этот актер в итоге занимает место социального инженера и пытается обратить траекторию своей координации в стратегию. Воспринявшие предлагаемую им модель как стратегию уже не так пристально следят за минимальными социальными изменениями по этим самым осям: они знают, чего хотят, и знают, как этого добиться — у них есть стратегия, и стратегия успешная. (Разумеется, всегда возможны сбои, см. об этом в работе И. Гофмана «Анализ фреймов» [Гофман 2004: 92, 437 и др.]) В этом, как мне представляется, состоит различие *стратегии* и *координации*, и в терминологическом, и в практическом планах вполне сопоставимых. Однако координацию нельзя рассматривать как проявление рефлексивности, о чем будет сказано в другом месте.

³ Показательно, что даже Т. Парсонс счел необходимым ввести в свои системные построения «субъективную точку зрения» (на основе концепта *Verstehen* М. Вебера), чтобы описать роль исследователя как актора в поле, им наблюдаемом («В поле действия акт научного наблюдения есть процесс действия во взаимодействии с наблюдаемыми объектами, поэтому наблюдатель и наблюдаемое, взятые вместе, образуют систему действия. Если, например, в этой системе нет общей культуры, то нет и способа проинтерпретировать, что же обозначали наблюдаемые действия для действующего лица внутри его системы» [Парсонс 2002: 31]). Из последних российских дискуссий на эту тему см.: Исследователь и объект исследования // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 7–134.

⁴ Цитируемые ниже записи из полевого дневника частью представляют интеракции исследователя так, «как они и происходили», т.е. как они им были восприняты, запечатлены в его памяти и *post factum* перенесены на бумагу. Частью же это записи, *обобщающие* наблюдения и размышления, подытоживающие некоторое текущее состояние опыта полевой работы.

рассматриваться как частные и используя который местные жители в состоянии «быть публичными» в принципе.

Макроперспектива коммуникаций

Под макроперспективой мы понимаем самый мелкий масштаб социальной карты, характеризующийся совокупностью публичных интеракций, совершаемых жителями села Степного на некотором пространстве, где населенный пункт — лишь точка. Речь идет, во-первых, об интеракциях с теми актерами, которые не могут быть отнесены к местному сообществу и на территории, к нему не относящейся. И, во-вторых, об интеракциях, которые мы бы назвали «вынесенными», т.е. один из фрагментов интеракционной сети выносится его участниками за пределы села: либо на территорию вне населенных пунктов, либо в другие населенные пункты (с возможностью внешних контактов или без таковой). Если первый случай вполне удовлетворяет оговоренному мною выше критерию публичности, поскольку вектор коммуникаций имеет центробежную направленность, то второй случай, с центростремительным вектором коммуникаций, я бы обозначил как «квазипубличность» (т.е. публичные интеракции не исключаются, но необходимости в них нет).

По нашим наблюдениям, многие местные жители совершают регулярные поездки за пределы Степного (правда, есть и такие, которые заявляют о том, что давно никуда из села не выезжали).

Долгосрочные отъезды. Наиболее удаленные и длительные отъезды связаны с трудовой деятельностью за пределами региона. *Вариант 1.* Местная семья уезжает из села на многие годы (как правило, на Север), с выходом на пенсию члены семьи возвращаются в родное село¹. *Вариант 2.* Один из членов семьи (мужчина) уезжает «на заработки», возвращаясь лишь на период трудового отпуска². *Вариант 3.* Учеба вне региона: выпускники школы поступают в вузы, как региональные (например, в Ивановской или Рязанской областях), так и в столичные (Москва, Санкт-Петербург) с неопределенной перспективой возвращения, но с посещением села в период каникул.

¹ В службе социальной защиты нам сообщили, что этим обстоятельством объясняется большое количество пенсионеров в селе [Интервью с Анастасией Ф., 1962 г.р., иссл. А. Мануйлов].

² Золотодобытчики, работавшие в прошлом в Боливии, теперь на Дальнем Востоке России [Полевой дневник (ПД) Касьянова], нефтяники, работающие в районах Крайнего Севера [ПД автора]. Что касается золотодобытчиков, то и здесь следует отметить некоторую перспективу «квазипубличности»: бригада сформирована из мужчин — жителей села Степного, и по роду своей деятельности они очень мало контактируют с «внешним миром», находясь на значительном удалении от ближайших населенных пунктов.

Регулярные отъезды. Значительная часть работоспособного мужского населения и незначительная часть женского трудоустроены/обучаются за пределами сельской администрации; в этом случае местные акторы регулярно покидают село и возвращаются домой. *Вариант 1.* Трудоустройство в удаленных районах края или командировки по краю предполагают возвращения лишь по выходным дням или на праздники. *Вариант 2.* Трудоустройство в собственном или соседних районах, а также в Краснодаре дает возможность ежедневных возвращений, которые иногда не практикуются (в случае, например, возможности временного проживания в месте работы); сюда же можно отнести учебу в районном центре, ст. Нижней, ст. Дальней, пос. Ярском, Краснодаре.

Нерегулярные, случайные отъезды. Поездки, не связанные с работой: к родственникам (в том числе и в другие регионы России); на рынки в районный центр, пос. Ярский, Краснодар, в гости к друзьям, знакомым в ближайшие населенные пункты, в Краснодар; выезды «на природу», «на море» (летом) (такие выезды, будучи их участником, я бы отнес исключительно к квазипубличности); поездки в медицинские учреждения и др.

Выезды в окрестности села уже полностью принадлежат приватной сфере. Наиболее типичными для местных жителей, на мой взгляд, являются поездки в ближайшие окрестности села. Строго говоря, покидать Степное жители могут по нескольким причинам: (1) с целью обработки полей и обслуживания сельхозтехники, а также различных сооружений на полях (это происходит в рабочее время и имеет отношение к тем, кто работает в АКХ и фермерских хозяйствах); (2) с целью заготовки сена для скота (на редких полянах и территориях вдоль полевых дорог); (3) с целью посещения водоемов (рыбная ловля, купание, пикники); (4) с целью посещения лесного массива (пикники, тайные встречи); (5) с целью охоты. Все эти категории выездов из села имеют сезонный характер. Пункты (3) и (4), а отчасти и (5) сложно дифференцировать: пикник может сочетаться с рыбной ловлей (или охотой) и происходить в лесу на берегу реки, однако каждое из этих занятий может и не сочетаться с другими. Следует отметить, что рыбная ловля и охота для одних жителей Степного являются только развлечением, для других — значимым элементом их экономики¹ (и здесь в некоторых случаях возможны сочетания).

¹ Из полевого дневника: «Утро. 9:00. Возвращаюсь из райцентра в село. Беру на остановке в райцентре попутчицу, женщину лет 55-ти, с пустыми ведрами в руке. По дороге выясняю, что она едет с базара. Удачно продала фрукты: ведро на 30–40 рублей дороже, чем в селе. Такое нечасто бывает. Интересуюсь, чем торгует.

Микроперспектива коммуникаций

Институционально социальное пространство села мало чем отличается от городского. Конечно, вряд ли кто-либо будет пытаться обнаружить в сельской инфраструктуре театр, крупное промышленное предприятие, отель или гольф-клуб¹. В плане трудоустройства до недавнего времени господствовала схема: один сельский округ — одно–два аграрных предприятия, включающих животноводческие фермы, перерабатывающие и пр. подразделения. В плане «досуга» практически все функции (драматический театр, кинотеатр, музей, библиотека, дискотека, кружки по интересам, спортивные секции и т.п.) выполняли и выполняют сельский Дом культуры и школа. Слабо специализированы медучреждения, имеющие ограниченный набор специалистов. Мало функциональны отделения связи. Технические, судебные, налоговые, финансовые, религиозные и пр. учреждения находятся в районном центре. Институциональное сравнение города и села можно продолжить, но это тема отдельного исследования.

Мест с высокой коммуникационной интенсивностью в селе Степном довольно мало. Это два рынка (+ два рынка на хуторах), здания сельской администрации и ассоциации крестьянских хозяйств (бывшего правления колхоза), Дом культуры (+ два ДК на хуторах), детский сад, средняя общеобразовательная школа (+ три начальных школы на хуторах), почтовое отделение (+ три на хуторах), поликлиника, больница (+ три ФАПа² на хуторах), аптека, отделение милиции, магазины, парикмахерская, три кафе–бара, библиотека, автобусные остановки. Не следует выпускать из виду, что все учреждения имеют строго определенные часы работы (автобусные остановки выполняют функции мест с интенсивной коммуникацией перед прибытием на них автобуса, за исключением двух, наиболее близких к выезду из села в сторону райцентра, куда практически беспрестанно в продолжение светлого времени суток подходят местные жители, рассчитывающие уехать попутным транспортом). По нашим наблюдениям, наиболее посещаемые места — это магазины, а молодежью — еще и

— Когда жердѣлу, когда яблочки вожу... Что есть [то и вожу]. А то вон муж с зятем рыбы наловят — и рыбку везу, продаю.

— А где ловят? На что?

— Та на водохранилище. У них там сетки стоят. Вон, позавчера вечером пошли, потрусили — и на уху, на жарѣвку есть, и на продажу. Вчера рыбой торговала (смеѣтся).

— Не гоняют (природоохранные службы за использование сетей)?

— Та гоняют — не гоняют, а куда денешься? Жить-то как-то надо...» [ПД автора].

¹ Однако такие учреждения могут существовать (и существуют) в районных центрах, имеющих статус села.

² ФАП — фельдшерско-акушерский пункт.

кафе, работающие по ночам. Из всех перечисленных мест структурно близок «городской публичности» лишь «большой» рынок. «Малый» ежедневный рынок маркирует собой один из центров села, вокруг него сосредоточена часть сельских магазинов (и частных, и государственных). На «малый» рынок приходят и в качестве продавцов, и в качестве покупателей в основном местные жители. «Большой» рынок, еженедельный, располагается по пятницам на месте «малого». На «большой» рынок съезжаются торговцы из разных районов края и Адыгеи. Именно поэтому отношения между покупателями и продавцами на рыночной площади приближаются к городской публичности¹.

Места с интенсивной коммуникацией, перечисленные выше, могут называться публичными лишь очень условно. Типичная для города публичность подобных мест в селе, как мне представляется, неактуальна. Торговые, медицинские, образовательные учреждения все без исключения вовлечены в сеть частных практик. В некоторых случаях (напр., в больнице или школе) административно-иерархические практики присутствуют, но в редуцированной форме: там происходит своего рода игра в публичность. Так, требование официального обращения по имени и отчеству знакомые друг с другом сельские жители не отменяют полностью — они обращаются к уважаемым людям на «вы» (очень легко заменяемое на «ты») и по отчеству: Владимирович, Петровна². Однако участие постороннего (напр., исследователя) в интеракциях местных жителей провоцирует конструирование публичной обстановки. В присутствии автора этих строк глава администрации в беседе с предпринимателем, имеющим высокий статус, обращался к нему по имени и отчеству (и на «вы»), в другой ситуации, случайно оказавшись свидетелем беседы тех же персон, я отметил обращение на «ты» и по имени³, причем в обоих случаях речь шла о проблемах сельского администрирования. Что касается магазинов и кафе, то интеракции персонала и покупателей/

¹ У нас нет сомнения в том, что практики, свойственные городской публичности, известны жителям села и освоены ими, т.к. вряд ли найдется семья в селе, которая не посещала бы городские рынки.

² Похоже, исключением являются лишь сельские учителя. По крайней мере, представители нескольких поколений сельчан вспоминают о своей первой учительнице (одной и той же персоне) с большим пиететом и называют ее исключительно уважительно — Анастасия Ивановна.

³ И. Гофман называет подобные презентации командными [Гофман 2000: 112–141], однако для меня здесь важно то, что такая двойственность для города характерна лишь в той мере, в которой чиновник сталкивается в решении рабочих вопросов со своими личными знакомыми; в селе же, где все жители в той или иной мере являются личными знакомыми главы администрации и других чиновников, ситуация двойственности возникает лишь при участии в ней постороннего.

посетителей носят исключительно приватный характер (на «ты» и по имени), поскольку в этом поле отсутствует административная иерархичность. Таким образом, на основе приведенных данных можно сказать, что в плохо наблюдаемых извне частных интеракциях легко возникает публичность, как только этого потребуют обстоятельства. Поскольку частные обращения являются типичными в квазипубличных местах, постольку следует видеть в них преимущественно проявленность персоналистических отношений (отношений, основанных на наличном капитале персоны и его семьи, т.е. актер маркируется). Конструирование публичности происходит не только в присутствии постороннего (т.е. немаркированного актора), но и в том случае, если один из собеседников обращается к другому не с позиции персоны, а с позиции своего публичного статуса, опосредуя таким образом коммуникацию государственной или производственной¹ властью.

Дополнительными аргументами в пользу рассмотрения сельских «публичных» мест в качестве пространств частного могут служить следующие характерные эпизоды сельской жизни (на примере отношений «покупатель — продавец»).

1. Единственный случай, когда покупатель в одном из частных магазинов остался недоволен обслуживанием и сделал запись в книге жалоб, произошел по инициативе Елены В., университетского преподавателя из Красноярска, которая несколько лет назад купила в Степном дом, куда приезжает отдыхать летом. Елена, будучи, по ее мнению, некачественно обслужена продавцом, поступила так, как она поступила бы в ситуации публичности большого города. Однако чуть позже она, видимо, оценив неэффективность записи в книге жалоб, решила воспользоваться персональным знакомством и сообщила об инциденте владельцу магазина. Насколько нам известно, продавец не получил даже устного замечания [ПД автора].

2. Ежедневный («малый») рынок, как отмечалось, характеризуется тем, что и торговцы, и покупатели представлены местными жителями, т.е. на этом рынке реализуются частные отношения. Поэтому не удивительна практика беспроцентных кредитований, гарантированных персональной «репутацией» покупателя. Многие известные нам сельские жители с неболь-

¹ Не найдя термина лучше, мы используем прилагательное «производственный» в смысле *относящийся к предприятию*, имея в виду, что предприятие может быть и частным. Однако и на частном предприятии, и на государственном используются одни и те же средства конструирования публичности в интеракциях между маркированными актерами, из чего можно сделать вывод, что опосредующая сила, наделяющая участников коммуникации статусами, расположенными на разных уровнях иерархии, и актуальная только в публичности, и в том, и в другом случае является именно государственной властью.

шим денежным доходом стремятся приобретать товары именно на этом рынке, где обычно не продают дорогие вещи. Они всегда могут рассчитывать на то, что продавец отпустит им товар в кредит на несколько месяцев (это же характерно и для магазинов, но с меньшими суммами кредита и меньшим сроком кредитования — до 1 месяца). О том, что именно персоналистический подход превалирует в подобного рода интеракциях, свидетельствует, например, случай, когда у одной из покупательниц, приобретшей «в рассрочку» одежду, умер близкий родственник. Узнав об этом, продавец позволила покупательнице не платить условленную сумму долга в текущем месяце и продолжить выплаты со следующего месяца [Интервью с Надеждой С., 1965 г.р., иссл. А. Касьянова].

3. Одна из продавщиц частного магазина призналась, что она стремится максимально подробно узнать от каждого посетителя о его планах на сегодняшний день. Делает она это для того, чтобы в случае, если ее спросят: «А где тетя Маша? А куда пошел Петрович?» — она могла бы дать исчерпывающий ответ. Т.е., как подчеркивает информант, ей *«приходится работать как справочному бюро»*, а иначе, по ее мнению, в магазин будет заходить меньше покупателей [ПД автора].

Примеры можно без труда умножить. В то же время данных о проявлениях публичности как в указанных квазипубличных местах, так и в собственно частных местах (напр., домовладения) исключительно мало и все они, видимо, связаны с процессом конструирования новых групп сельской элиты¹.

Приведенные данные относятся к наиболее внешней сфере коммуникаций, где возможно появление как типичных (торговцы), так и нетипичных (исследователи) немаркированных акторов без какой-либо угрозы для сообщества, легко перестраивающегося на публичный лад и успешно отторгающего внешний интерес на его же (этого интереса) собственном языке публичности. Однако если иметь в виду, что крайняя степень приватности может быть задана парадигмой типа «Я–Я коммуникация» (или «внутренний диалог»), то между этой сферой приватности и той, что описана выше, может находиться неограниченное количество «ступеней», на каждой из которых приватность трансформируется вместе с трансформацией идентичностей и местных социальных границ (напр.: отец — сосед — главный врач — депутат), но остается все той же приватностью.

Последовательно описать эти «ступени» не представляется возможным, поскольку границы между ними проницаемы и

¹ См. об этом находящуюся в печати статью А. Касьяновой [Касьянова 2006].

зыбки, да и сам акт определения этих границ — не более чем произвол наблюдателя. Отметим лишь некоторые из полей приватности, наиболее легко наблюдаемые в повседневности сельских жителей (но от этого не становящиеся легко понимаемыми).

Следует заметить, что не только упомянутые квазипубличные места в селе являются местами встреч и коммуникаций местных жителей. Любой пространственный локус квазипубличного характера может стать таковым. Один из таких локусов — улица, где могут встретиться и вступить в коммуникацию любые жители села. Пространство улицы неоднородно. В качестве наиболее интенсивных коммуникационных локусов можно выделить уличные кварталы, прилегающие к учреждениям, формирующим центр и села, и округа. Кроме того, следует выделить уже упомянутые автобусные остановки, а также скамейки вдоль дворовых оград, сооруженные специально для таких квазипубличных встреч (разумеется, в теплое время года) с соседями и прохожими в квазипубличном пространстве улицы¹. Скамейки также используются для игр детьми, группы которых формируются по соседскому принципу.

Не менее интенсивно местные жители коммуницируют в магазинах (см., напр., мнение продавщицы, приведенное выше). Коммуникация возникает как между посетителями, так и между покупателем и продавцом. Пока участники исследовательской группы не были известны продавцам, любой из нас, заходя в магазин при отсутствии посетителей, попадал в атмосферу привычной городской публичности. Но как только исследователь становился «знакомым» для продавца, стали возникать ситуации (инициируемые именно продавцами), которые можно назвать имеющими отношение к местным практикам приватности. Например, зайдя в магазин за хлебом и не обнаружив его на прилавке, я поинтересовался у продавца, есть ли хлеб в продаже. Продавец ответила, что хлеба нет, но мне она одну буханку продать может, и вынула из-под прилавка буханку белого хлеба. В другом случае она предложила не брать черствый хлеб с прилавка и вместо него продала отложенный ею «для своих» свежий. Несколько раз продавцы не могли дать сдачи и предлагали нам занести деньги позже, когда мы разменяем крупную купюру (при этом желаемые продукты мы получали). Наконец, однажды вечером я искал по магазинам картофель (один из участников нашей исследовательской группы решил приготовить какое-то картофельное блюдо, т.к.

¹ Однажды я уже описывал и анализировал данные, относящиеся к женским группам, собирающимся у дворов в селах (см.: [Мануйлов 1998: 47–49]).

мы ожидали к себе «в гости» местных жителей). Однако купить картофель в селе можно только на утреннем продуктовом рынке, в магазинах он не продается. Одна из продавцов предложила мне купить ее собственный картофель (ее семья выращивает его на личном подсобном хозяйстве). Через час я снова зашел в тот же магазин, продавец уже принесла для меня 5 кг хорошего картофеля, который и продала мне по невысокой цене. Еще один пример: я решил отремонтировать свой автомобиль у местного «теневого» мастера, являющегося одновременно товароведом в местном частном автомагазине. Ремонт был связан с заменой ряда деталей рулевого управления и тормозной системы. Мастер по телефону связывался с продавцом и говорил, какие именно запасные части он должен найти и продать мне (речь идет о выборе мастером более качественных вариантов деталей). В одном случае качественной замены не нашлось, мастер посадил меня в свой автомобиль, и мы поехали в поселок Ярский, где находится несколько автомагазинов. Там мастер выбрал необходимые для ремонта тормозные диски, мы вернулись в Степное и продолжили ремонт. После работы на мой вопрос, сколько стоит ремонт, он ответил: «Сколько не жалко». Я, разумеется, не знал тарифов и предложил наугад, чтобы не обидеть, 500 руб. По-моему, мастер остался удовлетворен оплатой. До этого он оказывал мне мелкие ремонтные услуги (регулировка сцепления, зарядка аккумулятора и пр.), полностью отказываясь от денег, сопровождая отказ фразой: «Для своих — бесплатно»¹.

Приведенные примеры показывают, что приватные практики вытесняют публичные, если между акторами существуют персональные отношения. В селе продавцы знают лично большую часть жителей (а если не знают «в лицо», легко могут установить статус и отношение к себе персоны покупателя через семейную или сетевую принадлежность, вступив с ним в коммуникацию), поэтому их отношение к местному покупателю формируется не практиками публичности, предполагающими немаркированность акторов-покупателей и одинаковое отношение продавца в актах коммуникации ко всем посетителям магазина, а практиками приватности, предполагающими селекцию «своих» и предложение для них более выгодных условий приобретения товаров и услуг².

Я далек от мысли показывать село Степное как «сообщество своих». Мы неоднократно были свидетелями конфликтов, которые разрешались в некоторых случаях драками. Причины

¹ Все приведенные материалы о приватности в магазинах — из ПД автора.

² Разумеется, подобные схемы отношений свойственны и городским продавцам, однако они не являются основополагающими и имеют несколько иную структуру.

этих конфликтов иногда лежали на поверхности, иногда оставались загадкой. Но во всех известных нам случаях разрешения конфликтов противостоящие стороны действовали исходя из того, какой социальный капитал стоит за их противником.

Для современных горожан хорошо знакома модель разделения личного времени на публичное и приватное: на работе — публичное пространство, дома — приватное. Мне неоднократно приходилось слышать мнения о том, что человек стремится домой, чтобы сменить обстановку, чтобы общаться с приятными и дорогими для него людьми — близкими родственниками. Или наоборот, человек не стремится домой после работы, т.к. у него есть варианты более интимной приватной коммуникации, например, компания друзей/подруг, любовница/любовник и т.д. Таким образом существуют грани между этими полями, выражаемые через временные, пространственные (топографические), ролевые категории. В исследуемом социальном пространстве села Степного такие грани провести очень сложно, если вообще возможно.

Говоря о темпоральности приватности, нужно учитывать, что в селе, безусловно, существует категория «рабочего времени», но при ближайшем рассмотрении эта категория выглядит фиктивной, поскольку «рабочее время» может возникнуть в любой момент по мере чьей-либо потребности в услугах данного специалиста (включая и собственную потребность актора в своей же собственной работе — в случаях, называемых в экономической литературе «самозанятостью»). Приятель автора этих строк, местный ветеринарный врач Дмитрий В. (1963 г.р.), в один из периодов нашего пребывания в Степном находился «на больничном», при этом дома его застать было почти невозможно. В любое время суток к нему могут прийти односельчане и вызвать к себе в связи с какими-либо проблемами, возникшими с домашними животными. Село довольно большое, поэтому обойти нужные адреса порой бывает проблематично. Однако Дмитрий не отказывает никому, даже официально находясь «на больничном» [ПД автора]. В другом случае школьная учительница Тамара З. (1976 г.р.) жаловалась на то, что директор школы сделал ей замечание в связи с ее посещением в «нерабочее время» местного частного кафе, посчитав, что педагог не может находиться в месте, имеющем «сомнительную» репутацию [Интервью с Тамарой З., 1976 г.р., иссл. А. Мануйлов]. В социальном пространстве села, как видим, публичные интеракции приобретают характер приватных, а приватные — квазипубличных (если оценивать их с позиции наличия опыта городской публичности).

II. Парадигматика приватности

Обратимся к более детальному анализу социальных отношений в одной из частных организаций — обществе с ограниченной ответственностью (ООО) «Аист». ООО «Аист» занимается розничной торговлей и имеет несколько магазинов в селах Степном, Лесном и хуторе Восточном. В организации работает около 60 чел. Состав руководства организации включает в себя преимущественно родственников и свойственников (см. табл. 1).

Производственные и родственные отношения в описываемой группе настолько переплетены, что невозможно сказать, существуют ли ситуации, в которых кто-либо из группы реализует *исключительно* производственные практики. Наложение производственных ролей на родственные типично для современного российского малого бизнеса. Здесь прежде всего просматривается экономическая выгода — большая часть фонда заработной платы возвращается в семью. Директор в своем интервью отмечает также в качестве плюсов такого наложения взаимное доверие и упрощенный контроль с использованием внепроизводственных связей. Однако важным минусом, по его (и моему) мнению, является возможность семейного конфликта, способного поставить под удар предприятие¹. В связи с этим я и хотел бы вкратце остановиться на анализе такого затяжного конфликта, который может привести как к распаду данной группы, так и к разделу предприятия.

Дело в том, что ООО «Аист» было создано Алексеем К., который умер в 1999 г., а его бизнес формально унаследовала жена Наталья К., однако считается, что их дети — Виктор К. и Ирина С. — являются *реальными* владельцами организации (при этом никто не стремится уточнить их доли, подчеркивается лишь равноправие Виктора и Ирины²). Часть купленных

¹ «— Вашу организацию можно семейной назвать?

— Ну... да... Да, в принципе так можно назвать. Организация или предприятие семейное, поскольку все структуры административные наши (смеется), все должности ответственные заняты родственниками.

— Это политика, или так случилось просто?

— Ты знаешь, ну это, скорее всего, политика, потому что случиться так просто не могло. Целенаправленно было, поскольку мы — семья. Просто все-таки какие-то вопросы в семье легче решить, легче в своем кругу, чем с чужим человеком. Доверие, контроль проще, поскольку своего человека нужно не так жестко контролировать, как кого-то постороннего. А так, ты знаешь, сколько не было, вот, даже бывают друзья-друзья, а контроль нужен обязательно. Деньги разводят всех, как ни крути» [Из интервью с Виктором К., 1971 г.р., иссл. А. Мануйлов].

² Показательными являются в этом смысле отношения между братом/директором и сестрой/главным бухгалтером (в презентации сестры):

«— Но ты должна как-то сообщить Виктору о том, что ты не выйдешь [на работу]?

— Нет, конечно.

Таблица 1

Персональный состав руководства ООО «Аист»

Имя	Статус	Степень родства/свойства						
		Виктор	Игорь	Наталья	Ирина	Валентина	Пётр	Василий
Виктор	директор		шурин	мать	сестра	жена	—	кум
Игорь	заместитель директора	шурин		тёща	жена	жена шурина	кум	
Наталья	заместитель директора по снабжению	сын	зять		дочь	сноха	—	—
Ирина	главный бухгалтер	брат	муж	мать		невестка	кум	—
Валентина	заместитель главного бухгалтера	муж	муж золовки	свекровь	золовка		—	кум
Пётр	товаровед	—	кум	—	кума	—		—
Василий	экспедитор							

для расширения предприятия земель и построенных на них производственных помещений принадлежит совместно Виктору и Ирине, часть — совместно Виктору и Наталье К. (его матери) и часть — одному Виктору (в каких пропорциях — трудно разобраться). Как видим, взаимное «доверие», производимое Виктором в качестве позитивного фактора в руководстве организацией, ведет к чрезвычайной запутанности и неопределенности личного вклада и личной доли капитала. То, что предприятие принадлежит Наталье, а земля — Виктору, Ирине и их матери Наталье, вовсе не значит, что эти персоны вкладывали свои личные средства пропорционально принадлежащей им собственности. Финансовые вложения в строительство новых зданий, ремонт старых, покупку земли, оборудования и пр., проходя через призму семейного «доверия», дают картину собственности, не соответствующую этим самым вложениям, если судить об этом с экономических позиций. Видимо, именно этот факт не устраивает еще одного важного актора в рассматриваемой группе — мужа Ирины Игоря С., который является заместителем директора, т.е. брата Ирины — Виктора. Сам Игорь — из семьи, относимой нами к местной «колхозной»¹ элите, репутация этой семьи в селе в постсоветский период зависела от силы влияния того или иного дискурса. Игорь имеет два высших образования, что уже выделяет его из группы, все члены которой (кроме Василия и Натальи, имеющих среднее техническое образование) обладают каждый лишь одним дипломом об окончании вуза. Конфликт внутри организации начался еще при старом владельце: одну конфликтующую сторону представлял, как это уже понятно, сам Игорь, другую — его тесть, владелец организации — Алексей. Ирина, жена Игоря и дочь Алексея, видимо, и тогда занимала позицию посредника, в целом направленную на поддержку мужа. Интересно, что в то время отношения между Виктором и Игорем были, по их признаниям, очень теплыми, однако как только Виктор стал директором и совладельцем организации, Игорь и с ним вошел в конфликт. Уже из этого изложения можно сделать вывод о том, что Игоря интересует только власть, а семья К. (собственно, чужая для него семья жены) не может и не собирается включать его в

— Нет?

— Ну, понимаешь, он — директор на предприятии, но я понимаю, что для нас это — чисто формальность. Он передо мной не отчитывается, я перед ним не отчитываюсь. Мы с ним — равные владельцы, поэтому почему я должна отчитываться?» [Из интервью с Ириной С., 1977 г.р., иссл. А. Касьянова].

¹ В данном случае термин «колхозный» имеет отношение не к колхозу как таковому, а к колхозному периоду истории села. Элита того времени включала в себя не только руководство колхоза, но и партийное, административное руководство, а также директоров различных неколхозных (государственных) предприятий.

список реальных владельцев «Аиста», точно так же, как не собирается поддерживать его властные амбиции (ни финансово, ни социально¹). Максимум, что он мог получить от семьи К. (благодаря поддержке жены), — это место заместителя директора.

Что же предпринимает Игорь в своем стремлении к власти? В 2000 г. он баллотируется в качестве независимого кандидата в депутаты районного совета местного управления. Но не проходит на выборах², как он сам считает, из-за того, что избрал неверную стратегию, допустил ряд технических промахов и имел сильных конкурентов. Вскоре после провала на выборах Игорь своей активностью добивается общественного статуса председателя уличного кооператива и начинает распоряжаться вопросами проведения по улице газа, водопровода, консультирует представителей других кооперативов и помогает им справляться с проблемами. К следующим выборам (2004) он решил подготовиться основательнее. Игорь вступил в партию «Единая Россия», получил указание создать сельскую партийную ячейку (которую он сформировал и возглавил), вошел в районный политсовет партии. К выборам он имел не только капитал организации и капитал, унаследованный от семьи сво-

¹ Символическую поддержку от семьи К. Игорь все же получает, что определяется его высокой позицией в семейном предприятии и самим наличием пусть даже неактуализируемых, но хорошо известных в селе отношений родства и свойства в описываемой группе.

² «— Значит, первый раз это было уже три года назад, да? <...> Значит, в местные депутаты, значит, баллотировался, образно говоря. Что, ну, неопытный был, побежал, конечно, регистрироваться самым первым, думал, не успею, и много ошибок наделал просто-напросто. <...> Хотя, я ж говорю, группа избирателей (пять человек) выдвигает — инициативная уже, считается, [группа]; „выдвинула группа избирателей“, — уже звучит совсем по-другому. Дальше, там, с листовками чуть-чуть неправильно мы сделали, с фотографиями и так далее. Кое-каких доверенных лиц не тех взял, вот, это ж — лицо все-таки кандидата. Ну, потому что это ж тоже стоило финансов. Финансы-то не выделяются. По идее, по закону должны выделяться, а никто их не выделяет, конечно. <...> А на финансы свои тоже сильно не разгонишься, есть еще семья, поэтому и не тот уровень. <...> Образно говоря, простому смертному тяжело куда-то пробиться. Поэтому первый раз проиграл. Ну, там были кандидаты от „Отечества“ Кондратенко, образно говоря, батьки Кондрата, [у них] был рейтинг высокий. <...> Ну, двадцать семь у нас было, двадцать восемь где-то [кандидатов], на пять мандатов. Да. <...> Ну, и люди — баллотирующиеся не по первому разу. Ну, я тебе скажу, политика здесь такая же и те же технологии все, что в Москве, что здесь. Поэтому, что там, что тут, черного много было, тоже хватало.

— А кто прошел тогда? Петрович, насколько я знаю, и Паша прошли, да?

— Петрович прошел. У него самое первое место было. Ну, я скажу так, у нас люди так и не научились выбирать. Петрович — он популярен чем? Ну, человек всю жизнь людей лечил, понимаешь, спасал, поэтому у него эта популярность была. Плюс — от „Отечества“ Кондратенко, он был на первом месте. Но люди ж не понимают, что здесь они выбирают людей не для того, чтоб людей лечить, понимаешь, а для того, чтобы заниматься конкретными вопросами. Есть люди пессимисты в этих вопросах, а есть оптимисты, понимаешь? То есть это совсем другое направление, депутатство, понимаешь, это не так. Понимаешь, человек если, образно говоря, я, конечно не хочу хаять, но [Петрович] — пессимист по жизни. <...> Каждому человеку свое дано, понимаешь? Какое там — депутатством заниматься!» [Интервью с Игорем С., 1974 г.р., иссл. А. Мануйлов].

его отца¹, но и «общественный» капитал, заработанный в качестве председателя уличного кооператива, и, наконец, капитал партийный². Легитимация своего статуса в последних двух полях потребовала от Игоря инициативности и способности к лидерству. В итоге он все-таки получил желанное место депутата, победив на выборах 2004 г. Таким образом, мы видим, что совокупный статус Игоря состоит из: 1) высокого статуса семьи, с которыми он связан (по рождению и посредством брака); 2) высокого общественного статуса (через должность замдиректора в крупнейшей в селе частной организации и председателя уличного кооператива); 3) высокого политического статуса (глава окружной партийной ячейки, член районного политсовета партии, депутат). Однако у Игоря очень слабый капитал в полях финансовом и экономическом. Следовательно, конфликт с директором Виктором является результатом стремления Игоря к получению высокого статуса и в этих полях и одновременно механизмом обретения власти финансовой и экономической. Каким образом он осуществит захват этих полей и легитимацию своего статуса в них, покажет время. Единственное, что можно сказать: сам процесс этого захвата, по моему

¹ Следует иметь в виду, что семья, из которой происходит Игорь, считается местными жителями «коренной» (т.е. его предки являлись первопоселенцами села Степного). Те, кто принадлежит к таким фамилиям, сообщают об этом с нескрываемой гордостью. В то же время семья Виктора — переселенцы: и Виктор, и его сестра (жена Игоря) родились в Алтайском крае, а жена Виктора — родом из Армавира. Таким образом, семья Игоря воспринимается в селе как «старый, уважаемый род», в то время как семья Виктора не имеет вообще никакой местной истории и не может похвастаться «славными предками». Обе эти семьи могут быть причислены к сельской элите, однако если семья Игоря относится, как уже было отмечено, к «колхозной» элите, то семья Виктора — к новой торговой элите. Игорь в связи с этим аккумулирует в себе капитал обеих этих элит (а поскольку большой личной заслуги его в этом нет, лучше сказать, что капитал сельских элит двух различных типов инкорпорирован в данной персоне), что для изучаемого села является, похоже, уникальным случаем.

² Важно отметить стремление Игоря попасть именно в партию власти, в которой состоит и наиболее влиятельная часть руководства района. Однако на вопрос о том, чем обусловлен его выбор, отношением партии к власти или политической программой, он довольно невнятно в качестве мотива указывает на политическую программу:

«— Игорь, ну, вот, смотри, можно сказать, что если бы другая была партия самой мощной, то ты бы использовал ее?»

— Ну, как тебе сказать...

— То есть не собственно партийная приверженность тебя туда толкнула, а то, что...

— Нет, ну, тут еще смысл в том, что меня и ихняя идеология устраивает, понимаешь?»

— Вот об этом я и хотел спросить.

— Если у батьки Кондрата — чисто коммунистическая, там, направленность, понимаешь, практически, ну, может не совсем, но основное направление, то у «Единой России» — <...> порядок, у них такое направление. Что-то они от коммунистов взяли, что-то от демократов взяли. Хоть их и называют центристами, ну, сейчас, может быть, в какой-то мере левыми, но ихняя идеология на данный момент мне больше близка и устраивает. Порядок должен быть порядком, бардак этот уже всем надоел и так далее, поэтому идеология этой партии меня устраивает. Тем более, я вступал еще до выборов, почти за полгода, даже больше. Еще не известно, что там оно бы было, у нас рейтинг меняется в течение месяца, образно говоря. Поэтому хоть и предсказывали, но все могло измениться, так же, вон, как с кем? В Испании с парламентом» [Интервью с Игорем С., 1974 г.р., иссл. А. Мануйлов].

мнению, должен произойти исключительно через приватные практики, иначе даже полученный каким-либо образом капитал Игорь никогда не сможет легитимировать в родном селе.

Изложенная история показывает, как для борьбы в приватной сфере и ради победы в этой борьбе формируются и наращиваются капиталы, внешние для поля семейных коммуникаций. Игорь всячески стремится выйти за рамки приватности в публичность, олицетворяемую для жителей Степного большим городом (Краснодаром), а также районным центром. Но даже самые, казалось бы, далекие от села и требующие публичности интеракции возвращают его в село, к приватным сельским практикам. Так, желая вступить в партию «Единая Россия», Игорь не стал обращаться в районную организацию, а обратился с просьбой о вступлении в краевую, находящуюся в Краснодаре. И хотя вступил он в партию в городе, ему рекомендовали зарегистрироваться в районной организации, где и поручили заняться формированием партийной ячейки в Степном. В этом случае Игорь использовал наличный семейный и производственный капитал и пригласил войти в состав первичной парторганизации Петра и Василия с женами (см. табл. 1), что опять-таки объясняется наличием возможности давления на сотрудников-партийцев по производственной и семейной линиям. В партийную ячейку вступили и другие жители села (еще пять чел.), знавшие Игоря как энергичного «общественника». Что касается политсовета, то и туда Игорь был рекомендован благодаря авторитету отца, которого хорошо знали пожилые члены районного совета по совместной деятельности в «колхозный» период.

Как мы видим, данная персона, не располагая абсолютной властью в семье К. (семье жены) и в фирме, стремится к контролю и над этой семьей, и над организацией, наращивая статусы в других полях, где можно прибегнуть к государственной легитимации. *«Уполномоченное лицо государства — носитель здравого смысла, поэтому официальные номинации и дипломы об образовании стремятся получить универсальную ценность на всех рынках»*; всевозможные удостоверения подтверждают, *«что некто уполномочен высказывать точку зрения, признаваемую более высокой по отношению к частным точкам зрения»* [Бурдые 1994: 202]. Игорь прекрасно понимает, что в публичном (государственном) пространстве у него нет почти никаких шансов в борьбе за господство в семье-предприятии, однако он развивает мало кому в селе доступную силу для этой борьбы именно в приватном пространстве.

И еще один аспект этой истории. По нашим с коллегами наблюдениям, в представленной в табл. 1 группе две персоны

можно было бы обозначить как «говорящих» (в отличие от остальных — «слушающих»). Одна из этих персон — супруга Василия Б. — Анна Б. Ее активность направлена преимущественно на женщин этой группы (см. подробно: [Касьянова 2006]). Вторая персона — Игорь, реализующий захваченное им однажды право на говорение как внутри мужской части, так и во всей группе. (Сюда следует добавить также его доминирующую позицию в собственной нуклеарной семье. Ирина, одна из признаваемых в группе владельцев организации, таким образом попадает под «тройной удар» дискурсов, транслируемых и продуцируемых в группе.) Захват позиции «говорящего» Игорем внутри группы привел к тому, что одновременно он стал выступать вонне как выразитель интересов этой группы. Конфликт Игоря с Виктором, директором организации, возник по той же причине, что и конфликт Игоря с Алексеем, бывшим директором, отцом Виктора, а именно — несогласие с курсом предпринимательской активности, реализуемой фирмой. Для обоснования своей позиции Игорю и потребовалось право на говорение. Следует заметить, что глава фирмы — Виктор — очень мало рассуждает о характере деятельности своей организации, а о планах ее развития говорит лишь в случае постановки мною такого вопроса (да и сами описываемые им планы мало согласуются с теми ресурсами, что он имеет сейчас). Похоже, у Виктора нет даже более или менее четкого собственного мнения относительно деятельности в фирме Игоря, а об их конфликте он вообще старается не говорить. При таком молчании директора его заместитель (Игорь) получает возможность формировать дискурсы об организации и для «внутреннего пользования», и для «внешнего», а уж его лидерская роль сама собой манифестируется в актах говорения об организации.

В настоящее время рутинные обязанности Виктора и Игоря в деятельности «Аиста» поделены примерно поровну: каждый из них обслуживает по четыре торговые точки, а недавно открытый ресторан¹ в соседнем селе находится под патронажем Игоря. Игорь сам ведет кадровую политику на «своей территории», определяет заказ экспедитору на каждый следующий день и долгосрочные заказы поставщикам товаров и т.д. Я бы не сказал при этом, что Игорь в наших с ним беседах допускает переход границ субординации. Он не оспаривает лидерского статуса Виктора и его роли «хозяина», но всячески демонстрирует сильную заинтересованность в эффективной деятельности и успешном развитии фирмы «Аист».

¹ В настоящее время этот ресторан, просуществовавший около года, решено закрыть, т.к. он не приносит прибыли.

Таким образом, в персоне Игоря сосредоточены все доступные в селе ресурсы, добытые им в различных полях (кроме тех, за которые идет борьба). Функционально (принятие решений внутри организации) он равноправен с директором, за которым, впрочем, остается ответственность и принятие решений, направленных вовне, кроме того, Игорь всячески через говорение презентует себя как «лицо» и «ум» организации. Видимо, дело осталось за малым: семья К. должна признать его безусловным лидером группы и наделить статусом, предполагающим собственность в экономическом плане и право принятия решений от имени всей организации. Какие факторы могут препятствовать этой акции, можно узнать, только продолжив исследование.

Некоторые заключительные размышления

Избрав в настоящей статье в качестве определяющих типы связей между знаками (синтагматика и парадигматика), разработанные структурной лингвистикой и семиотикой, я исходил из обоснованности концепта структурности не только (и не столько) в собственно структурализме, сколько в постструктуралистской парадигме. Ибо *«никогда структура не оказывалась единственным термином(ал)ом критического описания. Всегда она была средством или отношением, необходимым, чтобы читать или писать, чтобы собирать воедино значения, распознавать темы, упорядочивать постоянства и соответствия»* [Деррида 2000: 23–24]. Из всего многообразия значений терминов «синтагматика» и «парадигматика» для нас важны в первом случае взаимозависимость и взаимодополняемость элементов синтагматического ряда (см. напр.: [Лотман 1970: 58]), а также то, что *«синтагматическое отношение всегда in praesentia»*, элементы его *«в равной степени наличны в актуальной последовательности»* [де Соссюр 1977: 156]; во втором случае — системность парадигмы, объединяющей разнородные, структурно «разноуровневые» элементы, выход за рамки наличествования *«здесь и сейчас»*, по отношению к которому элементы *«всегда in absentia»* [де Соссюр 1977: 156].

Синтагматика приватности, таким образом, есть манифестация сельской социальной структуры местными жителями перед лицом приезжего исследователя и в коммуникации с ним. Применяя полевые техники, я вижу «передний план» («front») сельской приватности, как он открывается мне в интеракциях, и открывается постольку, поскольку у местных акторов есть интерес (иногда желанный, иногда принудительный) сообщить что-то о себе и других. Вполне по определению Алана Уэстина: приватность — это *«притязание индивидов, групп или институций на определение ими самими того, когда, как и в*

какой степени информация о них сообщается другим» [Westin 1967: 7]. Я стремился показать, какого рода отношения создают сельскую повседневность и в чем состоит единство сельской коммуникации, т.е. то, что в предельно обостренном определении может выглядеть так: *интеракция не состоится, если обе ее стороны не будут иметь в виду ее приватный характер*¹. Под интеракцией в данном случае понимается не всякое взаимодействие, а лишь взаимодействие жителей *данного* села, *местных* маркированных акторов. Никакие публичные практики сами по себе в селе не действуют, если они не согласованы предварительно с практиками приватными. Село является одновременно и субъектом, и объектом приватизации, оно приватизирует самое себя, а сам этот процесс постоянной, упрочивающейся приватизации и создает село как ансамбль сообществ. Для появления в селе публичного пространства необходимо наличие некоторого числа безличных немаркированных акторов, которые к тому же не занимали бы позиции изгоев, маргиналов, временно проживающих, заезжих торговцев и пр., а имели бы постоянные и полноценные статусы в селе. Я могу сказать, что таких акторов на сегодняшний день в Степном не существует. Любые приезжие, имеющие целью постоянное проживание в селе (а таких немало), координируют свою деятельность таким образом, чтобы не быть «чужими», т.е. входят во множество приватных отношений с местными жителями, что и является залогом успешного «вживания» в то или иное сообщество, с одной стороны, и принятия сообществом, с другой². Так образуется синтагматика приватности.

¹ Это определение имеет массу «но», и на практике часто работает не оно само, а исключение из него. Однако я настаиваю на его релевантности сложным и неоднозначным социальным отношениям в селе Степном.

² В одном из интервью наш информант, перечисляя сослуживцев, отнесла большинство из них к «местным жителям», в то время как нам было известно, что все они приезжие. При нашей попытке конкретизировать по персонам, кто местный, а кто приезжий, информант дала противоречивые ответы:

«— Приезжих у нас <...>, наверное, вот только Анна В. работает, они вообще с Грозного приехали. И... кто у нас еще приезжие? Наверное и нету больше.

— Ну, смотри, та же Нина — она же не местная, да?

— Она всю жизнь здесь жила. Вот, как она вышла замуж, так она... это сыну ее уже девятнадцать...

— То есть это уже местная считается, да?

— Ну, да, уже почти двадцать лет она здесь живет. Да, наверное, уже никто и не помнит, что она приезжая. Представь, такое количество времени.

— А Васильевы?

— Васильевы — они тоже приезжие. С Барнаула, они с Барнаула оба. С Бийска или с Барнаула, откуда-то оттуда.

— Это кого я знаю. Директор приезжий, да? То есть ты таких уже считаешь местными?

— Ну, наверное, да. Хотя... ну, так, в принципе да. Приезжие — это я считаю год-два, а потом они уже осваиваются и становятся своими. Хотя люди, наверное, всегда помнят, что они приехали откуда-то. Их тут не было. То есть они понаехали» [Интервью с Тамарой З., 1976 г.р., иссл. А. Мануйлов; выделено мною. — А.М.].

Парадигматика приватности разобрана нами на одном из примеров эскалации инкорпорированных капиталов, происходящих из разных полей, с целью борьбы за власть в приватной сфере. В 1956 г. Ш.Н. Айзенштадт предложил рассматривать разные общества как типы по критерию наличия/отсутствия связей между статусами семейными и общественными. Он выделил три типа обществ, которые могут быть представлены так: 1) высокий семейный статус предполагает и высокий общественный, 2) высокий общественный статус предполагает и высокий семейный и 3) эти статусы независимы [Eisenstadt 1956: 54–55]. Я не стал бы распространять столь жесткую структурную зависимость на целые общества, но, что касается представленной выше ситуации, то можно сказать, развернув эту схему от объективности к субъективности, что Виктор (директор), видимо, придерживается дискурса, соответствующего первому типу, по Ш.Н. Айзенштадту; Игорь придерживается дискурса, им же продуцируемого, который может соответствовать второму типу; все остальные члены этой группы относительно самих себя реализуют практики, которые могли бы быть порождены дискурсом об отсутствии указанных связей, и соответственно не предпринимают никаких действий по упрочению/повышению своих статусов где бы то ни было. Выход Игоря в публичность образует парадигму и сельской социальной структуры как местного конструкта, и его коммуникативных селекций. Село, таким образом, включается во внешние для него социальные образования (через представителя), а сами эти социальные образования, инкорпорируясь, проникают в село. Игорь есть персона, являющаяся представителем публичности в селе, ООО «Аист», партийной ячейке, уличном кооперативе и в семье К. и в то же время являющаяся представителем села (т.е. синтагматической сельской приватности) во власти и политике, которые сами по себе (для акторов внутри села) практически недосыгаемы (даже если власть реализуется в селе, даже если выбирает депутата *село*, легитимация власти без публичности невозможна).

Воспользовавшись концепцией коммуникативных средств Н. Лумана в ее приложении к теории власти, возможно обозначить персону Игоря как актора, осуществляющего селекцию комплексности. *«При совершении своего выбора он может поселить в своем партнере неуверенность либо устранить ее. Этот постоянный переход от производства неопределенности к ее устранению является основной предпосылкой существования власти, условием, которое образует пространство генерализации и спецификации особого коммуникативного средства»* [Луман 2001: 18; выделено автором]. Из беседы с директором «Аиста» Виктором складывается впечатление, что именно он

является инициатором разделения внутренних функций в организации со своим заместителем Игорем, именно Виктор решает «в качестве эксперимента» оставить на месяц свою фирму целиком на Игоря и уехать к родственникам на Алтай (уезжая, Виктор говорил об Игоре: «*Я думаю, он справится. Ему же тоже нужно учиться [руководить организацией]*» [ПД А. Мануйлова]). Т.е. мы видим, вполне по Н. Луману, как осуществленная селекция Игоря через говорение формирует мало чем обоснованные решения Виктора о добровольной передаче власти (пусть частичной или временной и юридически, видимо, никак не закрепленной), т.е. селекция Виктора зависит от селекции Игоря. Говоря словами Н. Лумана, «*селекция Альтера [в нашем случае Альтер=Игорь] вследствие того, что она допускает коммуникацию в определенных, узко задаваемых условиях, ограничивает возможности селекции Эго [=Виктора]*»¹ [Луман 2001: 22].

Если смотреть на парадигматическое соотношение села с «большой публичностью» (через показанную выше коммуникацию) с точки зрения сельско-приватной, то в публичности — справедливость² (справедливая власть), «большие деньги» и «достойная жизнь», большие возможности («если есть связи»), хорошее медобслуживание и т.п. Этот сельский дискурс о публичности имеет и негативные параметры, но все они могут быть сведены к одному — отсутствие приватности. Роли медиатора в этом соотношении (такого, как, например, Игорь) приписывается наличие приватных контактов в разных полях, ассоциируемых с публичностью, «знакомство с нужными людьми»³, способность «получить место» в органах власти и т.д. Если смотреть на это же парадигматическое отношение из публичности, то выходцы из сообществ с генеалогически-тотальной приватностью часто стремятся «быстро продвигаться» и, насколько возможно, приватизировать то поле, в котором они продвинулись, расставив на все ключевые точки «своих людей». Иначе говоря, сельские акторы в состоянии

¹ Ср. с мнением Ж.-Ф. Лиотара: «*Традиция рассказов является в то же время традицией критериев, которые определяют тройную компетенцию — умение говорить, слушать и делать, — где разыгрываются отношения внутри самого сообщества и с его окружением. Именно через рассказы передается набор прагматических правил, конституирующих социальную связь*» [Лиотар 1998: 58].

² «*Я до Ткачева [губернатора Краснодарского края] дойду, но заставлю их [сельские власти] провести нам воду на второй этаж! Я письмо напишу! У меня в [краевой] администрации знакомая есть, она передаст Ткачеву!*» [ПД автора, «скандал у водопроводного крана после отключения воды»].

³ Участникам нашей исследовательской группы тоже приписывались эти качества, вследствие чего нас просто осыпали просьбами те, кто имел какие-либо планы по трудоустройству или обучению своих детей, родственников в городе, те, кто стремился решить какие-то свои проблемы через «большую публичность».

довольно легко приватизировать публичность, создать себе условия, пригодные и даже удобные для существования.

В российских регионах или даже районах, где существует так называемая аграрная элита, стоящая у власти или борющаяся за нее, сильны и такие варианты координации в деятельности акторов, которые стремятся к конструированию приватности во всех доступных им полях. Борьба за власть есть таким образом приватизация власти на сельский манер, возможная только лишь с установлением (и/или использованием уже готовых) частных практик в других (не властных) полях, и приватизация эта находится в прямом противоречии с декларируемой публичностью власти и практически не может сочетаться с институтами гражданского общества. Реализация же власти есть прежде всего обслуживание приватности, сопровождающееся продуцированием специфичных дискурсов «для отвода глаз». Данная форма координации политических акторов легко транслируется и отрывается от своих первоначальных корней — «сельской приватности» — не теряя при этом специфически частную институциональность.

Библиография

- Арендт Х.* Vita activa, или О деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. В.В. Бибихина. СПб., 2000.
- Барсукова С.Ю.* Приватное и публичное: Диалектика диспозиции // Полис. 1999. № 1. С. 137–147.
- Бурдые П.* Начала: Choses dites / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М., 1994.
- Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. А.Д. Ковалева. М., 2000.
- Гофман И.* Порядок взаимодействия: Послание президента Американской ассоциации социологов 1982 года / Пер. с англ. А.Д. Ковалева // Теоретическая социология: Антология. Ч. 2 / Под ред. С.П. Баньковской. М., 2002. С. 60–104.
- Гофман И.* Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта / Пер. с англ. под ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой. М., 2004.
- Деррида Ж.* Письмо и различие / Пер. с фр. под ред. В. Лапицкого. СПб., 2000.
- Касьянова А.* Платице от Ани // Труды Центра антропологических исследований. Краснодар, 2006 (в печати).
- Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.; СПб., 1998.
- Лотман Ю.* Статьи по типологии культуры. (Материалы к курсу теории литературы. Вып. 1.) Тарту, 1970.
- Луман Н.* Власть / Пер. с нем. А. Антоновского. М., 2001.
- Мануйлов А.Н.* Статус женщины в обычноправовой системе казачьей

семьи и станичного общества на Кубани (вторая половина XIX — 20-е годы XX века). Армавир; Краснодар, 1998.

Оукин С.М. Гендер: Публичное и приватное / Пер. с англ. Н.А. Шведовой // Гендерная реконструкция политических систем / Ред. Н.М. Степанова, М.М. Кириченко, Е.В. Кочкина. СПб., 2004. С. 920–945.

Парсонс Т. Точка зрения автора / Пер. с англ. Е. Молодцовой, В. Степанова // Т. Парсонс. О социальных системах. М., 2002. С. 15–72.

de Соссюр Ф. Труды по языкознанию / Пер. с фр. под ред. А.А. Холодовича. М., 1977.

Тевено Л. Организационная комплексность: Конвенции координации и структура экономических образований // Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев. М., 2002. С. 19–46.

Eisenstadt S.N. From Generation to Generation: Age Groups and Social Structure. Glencoe, (Ill.): The Free Press, 1956.

Graham D. Public/Private. Philadelphia, 1993.

Westin A.F. Privacy and Freedom. N.Y., 1967.